

ИРИНА ШИШКОВСКАЯ

16+

ПЕТЛИ

РАССКАЗЫ

Ирина Шишковская

ПЕТЛИ. Рассказы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Шишковская И.

ПЕТЛИ. Рассказы / И. Шишковская — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

ISBN 978-5-532-96115-9

Сборник обычных жизненных историй, больше напоминающих рассказы случайных попутчиков, когда за несколько часов неспешной беседы пересказывается жизнь нескольких поколений семьи. И есть в этих историях правда и вымысел, детектив и мистика, сложные семейные отношения и психологические драмы.

ISBN 978-5-532-96115-9

© Шишковская И., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Квартирный вопрос	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Ирина Шишковская

ПЕТЛИ. Рассказы

Квартирный вопрос

Самым ценным у Веры была квартира на Яр Валу. Ее дед, метростроитель, получил когда-то комнату в ней, и они заехали туда с бабой Надей и тогда еще совсем маленьким Витей, Вериним отцом. Потом соседка, старая одинокая женщина, имя которой никто уже не помнит, умерла, и ее комната тоже отошла Вериной семье, что сразу настроило всех соседей против них. "Да что это такое?! Позже всех заехали, а комнату вне очереди хапнули!" – кричала на общей кухне скандалистка Катька, работник советской торговли.

Катька с мужем-таксистом и двумя детьми ютилась в самой маленькой, двенадцатиметровой комнатке (одна стена – фанерная и окна во двор), на расширении стояла еще ее мать, правда, мать "расширилась" и с Катькиной сестрой и отчимом отчалила на Березняки много лет назад, но теперь-то ее, Катьки, очередь, а не этих колхозников!

Сосед этой громкой женщины через фанерную перегородку, Павел Гаврилович Евстигнеев, 55 лет, одинокий, холостой, работник НИИ чего-то там, ну не важно чего НИИ, только молча прошмыгнул с закипевшим чайником мимо кричащей Катьки в свою комнату. Он в ссоры на кухне не вмешивался, жил тут давно, помнил Катю еще девочкой, а ввиду фанерной стены знал о жизни соседей все, и даже то, что деньги на кооператив имеются, но раз положено от государства, то "вынь и положь", и потому деньги лежат на трех вкладах в трех сберкассах и ждут своего часа – покупки «Волги» и дачи на Осокорках, но никак не кооператива.

Еще одну комнату, большую, светлую, с балконом и лепниной на потолке, занимали супруги Анцут. Их взрослый сын женился и жил в отдельной квартире молодой жены на Мечникова, тоже ведь редкая удача: дом ее родителей на Куреневке снесли, и все получили квартиры. Жаль, что теперь Димочке приходится жить на одной площадке с тещей, но всегда надо чем-то жертвовать, как говорила мадам Анцут, дородная женщина и посредственный терапевт в районной поликлинике. Но всегда добавляла, что ее Димочка послушный мальчик, а значит, ему никакая теща на площадке не страшна.

"У-у-у, жидки как устроились", – стонала Катька, да и не только Катька. Тут ей вторила и еще одна их соседка, коренная киевлянка, Евгения Аркадьевна Пузырева. Евгения Аркадьевна жила не в самой большой, но самой уютной комнате этой квартиры. Она и родилась в этой комнате, причем родилась не в том смысле, который обычно вкладывают в эти слова, а буквально. В тот далекий сейчас день были снежные заносы, и карету скорой помощи пришлось ждать слишком долго. Мать ее уже надела пальто и боты и с помощью своей матери и будущей бабки собралась идти в роддом, благо недалеко и пешочком можно. Но сильная боль скрутила, и пришлось вернуться. Роды принимали соседка с забытым именем, тогда еще молодая женщина, бывшая на войне медсестрой, а теперь учитель в школе, вернувшаяся уже с уроков, и зубной врач со второго этажа, случайно оказавшийся дома в рабочее время. Вот какая она, Евгения Аркадьевна! И все ее предки лежат на Байковом. У них там целых пять участков, и за каждой оградкой по несколько человек и даты все: и до войны, и в революцию, и до революции. Сейчас уже можно такое говорить, и Евгения Аркадьевна говорила, что был у нее предок – начальник Киевского железнодорожного вокзала, а как вышел в отставку, купил два доходных дома в Пассаже, хотел себе безбедную старость организовать, а детям и внукам

будущее обеспечить, но случилась революция, и дома забрали. Слушатели в первый раз всегда открывали от удивления рты – "да неужели в Пассаже?!", а Евгения Аркадьевна неизменно отвечала "увы".

Еще не утих скандал с нечестным распределением комнаты в квартире, как пришла новая напасть: пошли слухи, что их дом будут то ли сносить, то ли реконструировать. Слухи эти пошли, как ни странно, от тихого соседа из НИИ, Павла Гавриловича. Народ поговорил немного и замолчал, но Катька вдруг родила третьего, рассуждая, что хватит ждать, или так, или получит как многодетная. Верин дед подошел при первой возможности к начальству, приехавшему на объект с рабочей целью, а значит, более доступному для просьб, и поделился своими переживаниями. Начальство не забыло, и дедом было получено подтверждение, что дом будут-таки капитально реконструировать, коммуналка не будет, будут давать квартиры. Часть народа оставят тут, но в отдельных. Так у Верино отца появилась младшая сестра, а теперь Верина тетя Люда.

Шли годы. Первыми уехали Анцуты, несмотря на свою фамилию тщательно скрывавшие национальность раньше, они при первых же разрешениях на выезд вдруг обнаружили родственников в Америке. Их светлая, с лепниной комната, предмет вожеления всех в квартире, оказалась опечатанной ЖЭКом и вдруг никем не заселена. Катька, толкая с остервенением перед собой коляску, в которой сидел уже ее внучок, ходила скандалить и в ЖЭК, и в райсовет, и в горсовет. Но без толку. А в горсовете имели наглость ей ответить, что дом в плане на расселение и нечего тут скандалить.

Катька со злым, раскрасневшимся лицом орала на кухне, где она видит эту квартиру, этот дом и это расселение. Но вдруг спустя неделю к ним пришла комиссия, а еще спустя две или три, потому что такое делать надо не спеша, начался сам процесс. Предлагались, конечно, не только ордера, но и переезд во временное жилье до конца реконструкции. А временное жилье – общага на Троещине с бомжами и уголовниками, как говорила Евгения Аркадьевна, округляя глаза, и было понятно, что Троещина страшнее для нее лично всех бомжей и уголовников. Потому она взяла свой ордер на однокомнатную квартиру на Русановке, хотя это было бесчеловечно и жестоко – ее, коренную киевлянку, отправлять на Левый берег, почти в Черниговскую губернию, но вариантов было немного: или на Русановке, но из окон видны Родина-мать и Печерская лавра, или на Оболонь, где круглый год дует песчаный ветер и живут одни жлобы. Катька заржала в ответ на это: «а нам Жлоболонь как раз очень подходит» и забрала два ордера – на двушку для семьи дочки и трешку для себя, благо старшему сыну еще семнадцать, и он пока их семья. Сосед из НИИ, уже дряхлый, практически немощный старик, попал в дом престарелых, несмотря на все его сопротивление. И остались Верины родственники одни в квартире. Потому что дед ее, метростровец, проявил ослиное упрямство, аргументов жены не слушал, ордер на отличную квартиру на Соломенке брать отказался и вдруг заявил, что будут они возвращаться сюда, а пока едут во временный фонд, хоть на Троещину, хоть на ДВРЗ.

Жизнь во временном фонде была не сахар, бабка попрекала мужа, но тот стоял как скала. За время их скитаний Верин отец женился, жену сумели прописать, и вернулись в квартиру на Ярослав Вал все вместе, еще и с Верой в животе. Дом сильно изменился, да и квартира тоже. Внутри все было перепланировано, как, наверное, было изначально по задумке архитектора. Это стала большая четырехкомнатная квартира, которая им вроде бы уже и не полагалась, но срочно выписанная на время из Каменца-Подольского Верина прабабка спасла положение. Комната Анцутов стала залой, как говорили дед с бабкой, перегородки не стало, и бывшее когда-то двумя комнатами стало одной спальней молодых, а комнаты, в которых жила Верина семья, из проходных стали отдельными. Комната Евгении Аркадьевны исчезла, часть ее добавилась к комнате тети Люды, а часть стала просто коридором.

Хоть и не сильно ругались они в своей коммуналке, баба Надя не скучала ни по соседям, ни по тем временам. Раз случайно встретила Катьку, которая уже не работала в гастрономе

возле их дома, а перешла куда-то поближе к своему, на Оболонь, перекинулась парой слов и быстро свернула разговор, когда Катька начала язвить, что вот мы уже и ремонт сделали, и дачу на Осокорках купили, а вы все ждете, как вернетесь в ту квартиру, потому что о том, что уже вернулись, баба Надя говорить побоялась, пусть думает, что они все еще во временном жилье.

А когда Вера уже была школьницей и сидела дома как выздоравливающая после гриппа как-то с бабушкой дома, им позвонила незнакомая женщина и сказала, что умерла Евгения Аркадьевна и, если что, прощание завтра возле подъезда на Русановке. Баба Надя захотела пойти, и Вера согласилась, что не стоит ничего говорить маме, и тепло одетая поехала с бабушкой на 27-м трамвае через Мост Патона на далекий тогда Левый берег.

Гроб стоял возле подъезда, как делают в маленьких городах, рядом крутились местные женщины, от среднего возраста и старше, все казавшиеся тогдашней Вере старухами, а она слушала их разговоры и пугалась мёртвую, никогда не виденную раньше бывшую соседку своей семьи. Какая-то активная женщина подошла к ее бабе Наде и начала расспрашивать, знает ли она кого-то из родни Евгении Аркадьевны, потому что в квартире они нашли записную книжку, звонили по всем номерам, но там или учреждения, или поликлиника, или никто трубку не берет. Телефон, по которому сумели найти бабу Надю, был записан на первой странице, два раза подчеркнут красным карандашом и подписан «Мой». Женщина показала бабе Наде пачку писем: «Вот что еще нашли, но там все старые письма и адресов таких нет – Бассейная, Малоподвальная, где эти улицы?» Баба Надя взяла письма посмотреть, но тут заиграл оркестр, и гроб подняли и понесли к катафалку. На кладбище они не поехали и на поминки не остались, вернулись с бабушкой домой. Письма эти Вера нашла потом, через много лет, разбирая комнату бабушки с дедушкой. Это были житейские малограмотные письма простых людей, живущих в съемных комнатах у вдов унтер-офицеров и лавочников, писем прадедушки – начальника Киевского вокзала из Пассажа там не было.

Тетя Люда первая заговорила, что надо что-то делать и так жить нельзя. А как можно, тетя Люда не знала, или знала, но не хотела говорить. Что надо делать, должен был придумать брат Виктор со своей женой, которая не киевлянка, а раз не киевлянка, то получилось не в семью, а из семьи. У тети Люды оба мужа были киевляне. Первый переехал к ним на метро с потертым на углах дерматиновым дипломатом с одним поломанным замком, в котором были в прямом смысле слова только трусы и носки. Вера подслушивала, как баба Надя пыталась образумить дочь, шепотом уговаривая подождать, но ждать было поздно. Почему поздно, тогда маленькая Верочка не поняла, но свадьбу сделали быстро, тут же в квартире, тетя Люда сидела за праздничным столом бледная, с крупными каплями пота на лице, потом ее рвало в туалете. Вера переживала, а мама ее сказала: «Ничего страшного, наверное, отравилась». Как это ничего страшного, если отравилась, Вера не поняла. Но скоро тетя Люда сильно поправилась, у нее даже стал выпирать живот, а девчонки во дворе сказали не быть душой и шепотом добавили, что ее тетя Люда «бе-ре-ме-на». Уточнить Вера побоялась, но переживала за тетю Люду. А однажды, придя из школы, застала суету в квартире, а баба Надя сказала, что тетю увезли в больницу, но теперь все будет хорошо. Из больницы тетя вернулась не сама, а с орущим конвертом из одеяла. Конверт звали Павлик. А муж тети Люды начал пропадать, оставаясь ночевать у своих родителей где-то на Дарнице, не успевая на метро, а еще через год пропал окончательно. Но очень скоро появился другой. Или не так и скоро, но Вере теперь кажется, что между этими мужьями не было промежутка, но была серьезная разница. Второй муж уже побывал в браке. «Разведен», – выдохнула баба Надя Веринной матери на кухне. «И ребенок там есть», – добавила она и заплакала. Вера слушала их рассказ, ничего не понимала, несмотря на свой уже вроде бы не младенческий возраст, и сердце ее сжимал непонятный страх.

И вот тетя Люда, объявила, что раз у нее и Павлик, и Анюта, и Пал Петрович, ее муж, то пусть решает что-то брат Витка с женой и одним ребенком, и решает побыстрее, потому что она, Людмила, уже устала. Неожиданно вмешался дед – заслуженный метростровец и ветеран

труда. Он молча все эти годы наблюдал за круговоротом мужей и детей в этой квартире и выходил только в залу, потому что пищу на кухне принимать не желал. Дед стукнул кулаком по столу и велел тете Люде замолчать. Потом надел свой коричневый костюм с медалями за рытье метро и куда-то ушел. Это были последние советские дни, и дед-метростроевец еще мог куда-то пойти. Все решили, что дед пошел на Крещатик, в Киевсовет, но дед каким-то глубинным, метростроевским чутьем понял, что Киевсовет уже в такие дни не поможет, и пошел сразу к Щербицкому. Попал он на прием или нет, к Щербицкому или кому-то другому, неизвестно, но несмотря на эту неизвестность, тетя Люда с мужем и детьми вскоре съехала в, наверное, одну из последних полученных бесплатно в городе квартир на Харьковском массиве. Конечно, тетя сопротивлялась и кричала, что пусть Витька со своими валит, ишь чего удумали, ее отправлять куда-то под мусоросжигающий завод, но дед снял с книжки все накопленные их с бабой за всю жизнь деньги, оставив на похороны только две тысячи, и отдал ей, и нанятая машина с кузовом, набитым выше бортов всем, что тетя Люда смогла найти в квартире и что показалось ей нужным, укатила ее семью на озере Вырлица.

Первой умерла баба Надя. Она толком не болела, была самая крепкая из соседок, те то с давлением лежат, то в поликлинике в очередях сидят, а баба Надя с утра бегом на трамвай и на рынок, а что, не на Бессарабку же ходить. С Житнего рынка только приехала, только бульон варить поставила, а уже клич прошел, что в Центральном гастрономе кур выбросили. Баба Надя газ прикрутила, сумку схватила и туда. Вернулась, пока обед, пока постирала, уже и вечер. Даже перед телевизором без дела не сидела – то вязала, то носки штопала. Так и умерла в делах. Пришла с рынка и упала с сумками в коридоре. Дед из комнаты кричал: «Что за шум, жена?! Поди посмотри!», а посмотреть было уже некому. В обед вылез в зал, а стол не накрыт, тогда и нашел бабу Надю. Хорошо, что Вера пришла из школы, когда уже дед и сыну, и невестке на работу позвонил. Если бы Вера сама наткнулась на тело бабушки в коридоре, то не забыла бы это зрелище никогда. А так она всегда ее помнила живой, потому что в гробу баба Надя не была на себя похожа, а еще шел дождь, когда ее хоронили, и зачем-то накрыли ей лицо платком, оттого Вере совершенно легко было поверить самой себе, что в гробу не ее баба Надя, а просто тело. Хоронили на Лесном кладбище, везли через весь город. На Байковом уже только подзахоранивали, и то к своим или выдающихся, но вдруг на поминках захмелевший дед объявил, чтобы вот его на Байковом похоронили, как почетного метростроевца. Верина мать открыла было рот возразить, что на Лесном место куплено в семейном секторе, но отец молча положил ей руку на колено, и она замолчала, ничего не сказав.

Дед собирался пережить жену на много лет, требовал, чтобы невестка так, как покойная баба Надя, подавала на стол три раза в день, угождала ему и выслушивала претензии, а когда понял, что как бы та ни старалась, а она не старалась совершенно, по его мнению, такого, как при покойной жене, не будет, начал искать новую. Среди соседей никого подходящего не было, потому дед стал гулять по соседним дворам, ходил и на улицу Хмельницкого, и на Франка. Подсаживался к бабушкам на лавочках, рассказывал о тяжелой вдовьей судьбе. Бабушки слушали без интереса, пока дед не заговаривал о пенсии почетного метростроевца и квартире на Яр Валу. Тогда уже интерес появлялся, порой сильный. Но все было не то. В поликлинику знакомиться дед не ходил.

Эти дедовы женихания продолжались всю Верину школьную жизнь и очень раздражали ее мать. Отец предпочитал не вмешиваться. Вера слышала под дверью, как мать в спальне вычитывала отцу «а если он приведет кого-то сюда?», а отец только и отвечал, что ну и что, не наше дело, пусть приводит.

Верин выпускной класс совпал с началом болезни у деда. Заболел он внезапно. Кичился своим богатырским здоровьем, сам не лечился и жену не поощрял к этому, а тут вдруг занемог, вызвали участкового врача. Доктор пришла, вымыла руки, вытерла их услужливо поданным Веринной матерью полотенцем, послушала деда, постучала по груди, по спине зачем-то, пока-

чала почему-то головой и выписала направление на анализы и на флюорографию. Метро вырылось не бесплатно, вырылось оно легкими деда. Вера сама училась, ходила на курсы, ездила к репетитору на другой конец города на улицу Киото, куда поступать не знала, не решила, но мать с отцом сказали, что надо в Институт народного хозяйства, сокращенно Нархоз. А родители занимались дедом. Тетя Люда, располневшая, в утягивающем белье с выступающими швами, видными даже через платье, тоже приехала с Харьковского посмотреть, поплакать и поохать. Но сказала, что денег нет, Пал Петрович ее сейчас за свой счет дома сидит, и она тоже буквально за три копейки работает, и уехала.

Пока Вера поступала в Нархоз, дед умер. Тогда тетя Люда вернулась и сказала привычное, что надо что-то решать. Верин отец ничего не ответил, а Верина мать, с черными кругами под глазами от недосыпания и усталости и разъеденными от хлорки и стирального порошка руками, закричала вдруг некультурно: «Я тебе как сейчас решу!» Тетя Люда вернулась на разговор через пару дней с мужем, детьми и каким-то человечком в немодном синтетическом блестящем отдельных местах костюме, оказавшимся адвокатом из первой адвокатской конторы, о чем он с гордостью сообщил. Но между этими двумя визитами мать Веры проявила дикую активность и, собрав их паспорта, бросилась подавать документы на приватизацию. У них, естественно, оказались «излишки». Сбережения были вычищены болезнью деда и похоронами, но мать кинулась по знакомым и своим родственникам занимать и, набрав нужную сумму, решила вопрос раз и навсегда – квартира теперь была их: Вериного отца, матери и Веры, а тетя Люда в приватизации участвовать не могла, так как была к тому времени прописана у себя, на четырнадцатом этаже с видом на Вырлицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.